

ВИКТОР УСТИНОВ

ЖУКОВ

**ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО
ПОЛКОВОДЦА**

Виктор УСТИНОВ

**Жуков. Портрет
великого полководца**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Устинов В. И.

Жуков. Портрет великого полководца / В. И. Устинов —
«Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907351-06-6

«Маршал Победы» и «полководец, выигравший Вторую мировую войну», – так гордо величали Георгия Константиновича Жукова. Удостоенный высшей чести для полководца – принимать Парад Победы на Красной площади, – маршал Жуков и ныне взирает на своих потомков – конный памятник маршалу воздвигнут у стен Кремля. Но кроме почитателей его воинских талантов, находятся и те, кто обвиняют его в некомпетентности и жестокости. Кем на самом деле был четырежды Герой Советского Союза Г.К. Жуков? Каков его настоящий вклад в отечественную и мировую историю? – Ответы на эти и другие вопросы читатели найдут в новой книге Виктора Ивановича Устинова, который и сам занимал высокие должности в штабах Советской Армии. Он расскажет не только о подвигах, но и о крестьянском детстве будущего маршала Победы, о первой любви и Первой мировой войне, о битвах за Сталинград и Ленинград, о взаимоотношениях с И.В. Сталиным, о капитуляции Германии, об опале Жукова и его возвышении... В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-907351-06-6

© Устинов В. И., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Устинов

Жуков. Портрет великого полководца

Глава I

Рождение Георгия Жукова в бедной крестьянской семье. – Участие в Первой мировой войне. – Революция в России и крушение царской армии. – Выбор профессии – родину защищать. – Обвинение в антисоветской деятельности. – Телеграмма Жукова Сталину, спасшая его. – Разгром японской армии у Халхин-Гола. – Поход в Бессарабию. – Доклад Жукова «Характер современных наступательных операций»

19 ноября по старому стилю, по новому – 1 декабря, 1896 г. в деревне Стрелковщина (ныне Стрелковка) Угодско-Заводского района (ныне Жуковского) Калужской области в простой крестьянской семье Устиныи и Константина Жукова родился мальчик, которого назвали Георгием. На местных речках Протве и Огублянке, тогда полноводных, во время Петра I рядом с полотняным заводом был построен еще один небольшой завод, работающий на местных рудах, на котором лили ядра для пушек малой флотилии Петра. А в деревне Стрелковщина находилось стрельбище, откуда и пошло ее название.

Дом, где родился и вырос Георгий, был маленьким, ветхим и старым, в одну комнату, с двумя небольшими окнами. Рядом стоял небольшой сарай для сена и всякой живности и развесистая липа, росшая вплотную с домом и украшавшая его обветшалый вид. Чтобы не замерзнуть зимой, дети просили мать впустить коз в дом, чтобы согреться вокруг них, когда не хватало дров на печку. Тяжелая нужда все время сопровождала эту семью. Отец – бедный крестьянин, сапожник. Он поднимал на своих плечах лошадь; не меньшей силой обладала и мать, легко переносившая пятипудовые мешки с мукой. Георгий унаследовал эту черту родителей, и уже в детстве его отличала большая физическая сила.

Отец Георгия – Константин Андреевич, подкидыш из приюта, был выращен бездетной вдовой Аннушкой Жуковой, давшей ему жизнь и имя. Став подростком, он выучился сапожному ремеслу, но в деревне на этом ремесле прожить было нельзя, и он подрабатывал в Москве, пребывание в которой ему было запрещено из-за участия в рабочей забастовке. Самостоятельно обучился грамоте, был добр и отзывчив к людям, честен и справедлив в поступках, за что пользовался большим уважением в деревне. Он умер в 1921 г. в Стрелковке, там и похоронен.

Мать Г. Жукова – Устинья Артемьевна

Мать Устинья Артемьевна, в девичестве Пилихина, вышла замуж вторым браком за Константина Жукова, вдовца, сапожника по профессии.

Ничтожный заработок мужа побуждал ее в летнюю пору трудиться на полевых работах от зари до зари, а осенью и зимой заниматься извозом в города Серпухов и Малоярославец. С молодости Устинья отличалась большой физической силой и легко усмирляла коня, и так же легко перебрасывала пятипудовые мешки с зерном. Грамоте она не была обучена, но по своей природе была смысленной и мудрой женщиной, и потому детей своих – сына Георгия и дочь Марию, воспитывала в лучших русских традициях старины и старалась дать им хоть какое-то образование.

Детские годы Георгия и Марии прошли в деревне, где они родились. Среди мальчишек, своих сверстников, Георгий выделялся физической силой, смелостью и рискованностью в опасных играх, из которых он неизменно хотел выйти победителем, и постоянным стремлением играть в войну. Любые разговоры о войне, которые вели бывалые селяне в доме отца, участники турецких и русско-японской войн, с затаенным дыханием слушал подросток, впитывая в себя все отголоски прошлых сражений, словно предчувствуя свое участие в будущих сражениях.

Еще будучи ребенком, Георгий научился читать и в семь лет был отдан в трехлетнюю церковно-приходскую школу, которую закончил с похвальным листом. Все известные личности, прежде чем стать великими, с детства росли с книгой в руках, к которой они тянулись сильнее, чем к пище телесной, впитывая в молодой и восприимчивый ум все ценное и полезное, что выработало до них человечество. И, опираясь на эту вселенскую мудрость, став взрослыми и востребованными обществом, они успешно применяют приобретенные знания в новых условиях, каждый в своей излюбленной области – для совершенствования форм управления государством, или высказывают свое веское слово в разных видах искусства, в том числе и военного. Георгий читал очень много, и свое предпочтение отдавал военной литературе. Он мог по памяти перечислить все походы Александра Македонского, Ганнибала, Юлия Цезаря и других великих полководцев, и рассказать, чем отличались их тактика и стратегия друг от друга, что зародило в нем талант смелого применения форм военного искусства прошлого в новых условиях.

Родители с детских лет приучали детей к труду, и в семь лет на руках Георгия уже были мозоли. Он испытывал радость в работе и не знал в ней усталости. Бедность и все лишения, связанные с ней, тяжело отражались на самосознании Георгия, и он с подросткового возраста поставил перед собой цель выйти из беспросветной нужды, и эту его устремленность всячески поддерживали родители. В 12 лет Георгия отдали «в люди», в Москву, в скорняжную мастерскую брата матери Михаила Пилихина, где он, по собственному почину, чтобы скорее освоить профессию скорняка, работал по 12–16 часов в сутки и в 15 лет он стал подмастерьем меховщика, получавшим 10 рублей в месяц.

Это были хорошие деньги, и он много покупал книг, зачитываясь ими даже по ночам. Разнос исполненных заказов по Москве помог любопытному подростку познакомиться с музеями, памятниками, ближе узнать людей, живших в различных социальных условиях. По праздникам Пилихины брали его с собой при посещении Успенского собора Кремля, где Георгий заслушивался красивыми голосами певчих. Любовь к русской песне, к музыке, к истории страны у него сохранилась на всю жизнь.

Юность Георгия Жукова, успешно работавшего мастером-скорняком, была прервана войной, разразившейся в Европе и впоследствии сделавшейся мировой. Войну развязала кайзеровская Германия в союзе с Австро-венгерской империей, и царская Россия, верная союзническому долгу, выступила на стороне Франции и Англии. Оказав этим странам сильную военную поддержку, русская армия предотвратила разгром французской армии в Марнском сражении, и в начале 1915 года германская и австро-венгерская армии перенесли основные боевые действия на восток с целью разгромить Россию, без поражения которой немцы не могли одержать победу на западе.

Командир 39-го Бузулукского кавполка Г. К. Жуков. 1923 год

Под давлением таких мощных военных сил русская армия, не имея поддержки союзников, вынуждена была оставить Польшу и западные губернии, сосредотачивая свои главные усилия на удержании центральных областей. В стране была объявлена досрочная мобилизация призывников 1896 г., куда попал и Г. Жуков. Его, как физически сильного юношу, определили в кавалерию, в драгунский эскадрон 5-го запасного кавалерийского полка, где он прошел весь курс молодого бойца. Служба в кавалерии оказалась интересней, чем в пехоте, но она была и значительно труднее. Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в 6 часов, как в пехоте, а в 5, и ложиться также на час позже. Георгий легко и быстро осваивал военное дело, и как наиболее подготовленного солдата его отобрали на учебу по подготовке унтер-офицеров. Правда, молодой боец рвался поскорее на фронт, в действующую армию, но опытный взводный командир Бородавко по-отечески посоветовал ему убыть на учебу:

– На фронте ты еще, друг, побудешь, – сказал он, – а сейчас изучи-ка лучше глубже военное дело, оно тебе пригодится. Я убежден, ты будешь хорошим унтер-офицером.

Весной 1916 г. в составе группы из 30 человек он был направлен в учебную команду в г. Изюм и вскоре был выпущен в звании вице-унтер-офицер.

Здесь, в учебной команде, Г. Жуков выделялся среди сослуживцев сноровкой, смысленностью, лучшим исполнением всех воинских приемов с оружием и лошадью, и как примерного младшего командира его зачислили в прославленную 10-ю кавалерийскую дивизию Юго-Западного фронта. И в первых же боях он был замечен как отважный и смелый боец, и чтобы полнее использовать его бойцовские качества, его перевели в подразделение разведки, куда всегда отбирают лучших солдат. Для Г. Жукова в разведке настали еще более напряженные дни – каждый выход в тыл врага был рискованным и смертельно опасным, но он и здесь проявлял удивительную находчивость и смелость и никогда не возвращался без языка и достоверных сведений об обороне противника. Однажды, действуя в разведпоиске на подступах к Сайе-Реген, его группа напоролась на мину и подорвалась. Двоих тяжело ранило, а Г. Жуков был тяжело контужен. Очнулся он только через сутки в госпитале. Излечивался в Харькове, но последствия контузии ощущал еще долго, плохо слышал. Вернувшись в родную дивизию, он продолжал удивлять командование дивизии смелыми вылазками в тыл врага и однажды захватил и доставил в штаб немецкого офицера, давшего ценные сведения о составе войск и характере обороны противника.

Унтер-офицер Георгий Жуков, 1916 г.

За смелые вылазки в тыл врага и проявленную при этом храбрость Г. Жуков был награжден двумя Георгиевскими крестами, и слава о его подвигах была широко известна не только в дивизии, но и в армии. Имя Г.К. Жукова, как георгиевского кавалера, запечатлено в Георгиевском зале Кремля в Москве.

Зрительная и умственная память у него была так сильно развита, что он в деталях мог воспроизвести характер обороны противника и мог всегда подсказать командиру дивизии ее слабые и сильные стороны, что сполна было использовано командованием в боях и сражениях.

Эта привычка любить разведку и по максимуму использовать ее возможности для поиска данных о составе и возможностях противника была характерной чертой молодого драгуна-разведчика Г. Жукова, с годами укрепившаяся в нем и ставшая незыблемым его правилом, когда он готовился к сражениям уже будучи военачальником Красной Армии. Прекрасно организованная им на всех этапах боевой деятельности разведка противника была прелюдией к его победам на фронтах Великой Отечественной войны.

1917 год был годом потрясений в России – две революции, следовавшие одна за другой, были следствием тяжелых поражений русской армии на фронтах, но вызванных не отсутствием у нее патриотизма или мужества. Они явились итогом длительного безразличия царского правительства к своей армии и к своему народу, переставшей защищать национальные интересы России и погрязшей в засилье немецкого элемента. Сам царь Николай II жил в окружении немцев, и как только он захотел избавиться от них – руками генералов, запачканных связями с немецкой партией, – он был свергнут. Верховную власть в стране возложило на себя Временное правительство, наспех составленное наполовину из патриотов и врагов России. Уже один только А. Гучков, назначенный военным и морским министром, открыто разрушал основы армии – дисциплину и традиции в ней.

Для завоевания государства с помощью войны нужна большая армия и длительная вооруженная борьба, которая не всегда заканчивается победой развязавшего ее, но то же государство можно завоевать без войны, если в состав его верховной власти проникнет иноземный и чуждый национальным интересам элемент, который, воспользовавшись слабостью центральной власти, может успешно проводить политику в интересах другой, более сильной страны.

Русскую армию в Первой мировой войне погубил именно этот чуждый элемент – немецкие генералы и офицеры и их покровители в царском правительстве, прижившиеся и обогатившиеся на русской земле и в час грозных испытаний изменившие национальным интересам России.

Февральскую революцию Г. Жуков встретил в своем полку, и, так же как во всех воинских частях, здесь бурлили политические страсти, разбуженные теми политиками, кто желал поражения России в войне. Вместо отстраненных командиров частей и подразделений на общих собраниях избирались выборные солдатские комитеты, во главе которых становились известные в части солдаты и унтер-офицеры, не связанные с военным режимом. Солдаты единодушно избрали Г. Жукова председателем эскадронного комитета и делегировали его в полковой комитет. Воевать такие части и подразделения уже не могли, так как большинство солдат вышло из повиновения и больше склонялось к анархии, чем к порядку. Так, солдатский комитет эскадрона, в котором служил Г. Жуков, большинством голосов постановил распустить солдат по домам, выдав им надуманные справки о демобилизации и посоветовав каждому захватить с собой и винтовки. К тому же, к этому хаосу в армии добавился никем и ничем не сдерживаемый национализм, и представители украинской диаспоры, представленной большинством в полку, сумели разжечь ненависть к русским солдатам, так что даже Г. Жукову пришлось скрываться от них и в конце ноября 1917 г. бежать в Москву, а потом домой – в Стрелковку, к родителям.

В это тревожное время трудно было разобраться в общей политической обстановке в стране – власть большевиков тогда многим казалось временной и недолгой. Но к главному инструменту государства – армии, без которого нельзя его построить прочным, большевистское правительство обратилось сразу же после захвата власти. Состоявшийся в январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов единодушно высказался за создание вооруженных сил молодой Советской республики. При этом выборность командиров отменялась, вводилась система назначения командных кадров и революционная железная дисциплина, и было рекомендовано широко использовать опыт старых военных специалистов. Служба в армии, да еще в воюющей армии, несмотря на все ее опасности и угрозы жизни, Г. Жукову пришлась по душе, и он

чувствовал свое призвание именно на военном поприще, хотя он хорошо владел профессией меховщика. Он уже подумывал вступить в ряды создаваемой Красной Армии, как сыпной тиф, свирепствовавший тогда на просторах России, свалил его, а когда он уже считал себя выбравшимся из могилы – его настиг возвратный тиф. Провидению было угодно сохранить его жизнь для России, и, тяжело переболев, на грани жизни и смерти, он смог только в августе 1918 г. вступить добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии. В марте 1919 г. дивизия была переброшена в состав южной группы Восточного фронта, которым командовал М.В. Фрунзе, чтобы отвести угрозу соединения армий Колчака и Деникина, так как в этом случае мог образоваться сплошной фронт для удара на Москву. Вокруг Оренбурга и Уральска произошел ряд крупных сражений с уральскими белоказаками, поражение которых изменило картину с общим положением армии адмирала Колчака – стратегическая инициатива перешла к войскам Восточного фронта, начавшего планомерное вытеснение его армий на восток. Г. Жуков воевал здесь простым кавалеристом, но числился бывалым и отважным бойцом, всегда помогавшим командирам принять наиболее верное и лучшее решение при атаке и при отражении ударов противника. Уже тогда он мастерски, с глубоким знанием военного дела, советовал командиру эскадрона, как эффективнее разместить пулеметы и пушки в составе эскадрона при атаке и выигрывать бой из засады против численно превосходящего противника. Он был всегда нацелен на победу в бою, увлекая других бойцов своим примером, и проявлял личное мужество и героизм. Разделяя взгляды большевиков на построение социалистического общества, Г. Жуков до марта 1919 г. состоял в группе сочувствующих РКП(б), а чуть позже вступил в партию.

В бою между Заплавным и Ахтубой, во время рукопашной схватки с белокалмыцкими частями, Г. Жуков был ранен в ногу и левый бок и был эвакуирован в лазарет, где он еще раз переболел тифом. Из лазарета он вышел крайне ослабленным и получил месячный отпуск на восстановление здоровья. Отпуск по болезни Г. Жуков провел в деревне, у родителей, и, чуть окрепнув, явился в военкомат с просьбой направить его в действующую армию. Видя его еще неокрепшим физически, военное командование направило его в Тверь, в запасный батальон, с последующим направлением на курсы красных командиров, куда и был зачислен в январе 1920 г. Они находились в Старожилове Рязанской губернии, куда направлялись кавалеристы, уже отличившиеся в бою. Г. Жуков, как опытейший боец, был назначен старшиной эскадрона, который, учась сам, учил других курсантов владению холодным оружием (пика, шашка), штыковому бою, строевой и физической подготовке.

В середине июля всех курсантов спешно погрузили в эшелоны и привезли в Москву, в Лефортовские казармы, где они были зачислены во 2-ю Московскую бригаду, направляемую для борьбы с Врангелем. В первых же боях против врангелевского десанта генерала Улагая, а затем против банд Фостикова и Крыжановского, сводный курсантский полк, в котором воевал Г. Жуков, действовал смело и отважно, одерживая одну победу за другой. Г. Жукову не пришлось участвовать в окончательном разгроме Врангеля в Крыму, так как наиболее подготовленные курсанты полка были досрочно выпущены и отправлены на укомплектование кавалерийских частей, потерявших значительное число командных кадров в боях с врангелевцами. Он принял взвод, с которым через несколько дней в операции по очищению Приморского района от банд успешно их разгромил, не потеряв при этом ни одного человека со своего взвода. Вскоре после этого боя Г. Жукова назначили командиром 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка, и с этой должности началось его блистательное восхождение к высотам воинского мастерства. В конце декабря кавалерийская бригада, в которой служил Г. Жуков, была переброшена в Воронежскую губернию для ликвидации кулацкого восстания, а потом в Тамбовскую губернию, где в боях с бандами Антонова проявились лучшие качества молодого красного командира, умевшего предвидеть характер боя и выстраивать свой эскадрон с приданными огневыми средствами в таком порядке, что он всегда одерживал победу.

За бой у села Вязовая Почта Тамбовской губернии Г. Жуков был награжден орденом Боевого Красного Знамени; в специальном приказе Реввоенсовета Советской Республики за № 183 от 31 августа 1921 года сообщалось, что в бою у этого села «несмотря на атаку противника силой 1500–2000 сабель, он с эскадронам в течение семи часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после шести рукопашных схваток, разбил врага». Сам командир эскадрона, руководя боем, несколько раз вступал в рукопашную схватку и действовал бесстрашно, являя пример отважного бойца, под которым было убито две лошади, и сам он чудом избежал смерти. Награждение Г. Жукова высшим орденом было признанием его заслуг в революции. Здесь же молодой командир эскадрона, хорошо известный в тамбовском обществе своими заслугами в отстаивании идей революции, познакомился с Александрой, дочерью Дия Алексеевича Зуйкова, работавшего агентом по продаже зингеровских швейных машин. Семья его будущей жены была непролетарского происхождения, да к тому же ее старший брат, Алексей, был офицером царской армии, сражался с красными и был расстрелян. Влюбившись, Г. Жуков не побоялся связать себя с ней узами брака и смело, так же как он действовал в бою, энергично встал на защиту семьи Зуйковых от преследования новой власти. Он не побоялся проявить усердие, чтобы его молодую жену, хорошо образованную, зачислили в штаб бригады на должность писаря, и многие годы ее жизни прошли в совместной службе с мужем.

Весной 1923 г. Г. Жукова, в 26-летнем возрасте, назначили командиром 39-го Бузулукского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, отдав ему дань первенства за отличие в боях и заслуги в мирной службе. В следующем году в Советском Союзе была проведена военная реформа, и одним из важных мероприятий этой реформы явилось введение территориального принципа комплектования Красной Армии в сочетании с кадровым. Сущность этого принципиального решения состояла в том, чтобы, сокращая численность армии, дать необходимую военную подготовку максимальному количеству трудящихся с минимальным их отвлечением от производства. В дивизиях и полках примерно 16–20 процентов штатов составляли кадровые командиры и красноармейцы, а остальной состав был временным, ежегодно призывавшимся (в течение пяти лет) на сборы сначала на три месяца, а потом по одному месяцу. Остальное время бойцы работали в промышленности и сельском хозяйстве. Важнейшим мероприятием военной реформы явилось практическое введение единоначалия в советских Вооруженных Силах.

Службу в армии Г. Жуков все время совмещал с учебой: в 1920 г. он учился на рязанских курсах командиров кавалерии, а в 1924 г. был направлен на двухгодичные курсы усовершенствования командного состава в Ленинград, где вместе с ним учились такие прославленные будущие военачальники, как К.К. Рокоссовский, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко и другие. Он не просто осваивал программу обучения, он напряженно перечитывал имеющуюся на курсах военную и политическую литературу, проявляя удивительные работоспособность и усердие. Когда его товарищи по учебе отдыхали в отведенное время и по выходным дням, Г. Жуков в своей комнате в это время изучал наиболее успешные операции Первой мировой войны и по прилагаемым картам сверял их цели, размах, продолжительность и эффективность. Военным картам мелкого масштаба, с нанесенными на них целями операции, он уделял особое внимание, буквально ползая на них, досконально при этом изучая характер местности на всех операционных направлениях и как она повлияла на ход боевых действий. Память его, как умственная, так и зрительная, была настолько одаренной, что спустя годы он мог воспроизвести в деталях характер изученной им местности и оценить ее положительные и отрицательные свойства при планировании и проведении как наступательной, так и оборонительной операций на ней.

Маршал Баграмян пишет в своих воспоминаниях:

«Георгий Константинович Жуков среди слушателей нашей группы считался одним из самых способных. Он уже тогда отличался не только ярко выраженными волевыми качествами,

но и особой оригинальностью мышления. На занятиях по тактике конницы Жуков не раз удивлял нас какой-нибудь неожиданностью. Решения Георгия Константиновича всегда вызывали наибольшие споры, и ему обычно удавалось с большой логичностью отстоять свои взгляды».

Командование курсов, замечая в нем глубокие знания военной истории, посоветовало ему выступить перед слушателями курсов с лекцией «Основные факторы, влияющие на теорию военного искусства», которая была настолько успешной и поучительной, что была напечатана в бюллетене, издававшегося для слушателей курсов. За что бы ни брался этот непоседливый и напористый человек – все у него получалось лучше, интереснее и надежнее.

В конце 1929 г. Г. Жуков был командирован в Москву для прохождения курсов по усовершенствованию высшего командного состава, где им были изучены научно-теоретические труды как отечественных, так и зарубежных ученых и специалистов в области применения в операциях будущего авиации, мотомеханизированных и танковых соединений, воздушно-десантных войск и новейших видов вооружения и технических средств. Исследовались не только операции Первой мировой войны, но теоретически освещался характер будущих операций. К тому времени была издана книга В.К. Триандафиллова «Характер операций современных армий», в которой автор смело предсказывал, что в будущей войне авиация и танковые войска будут играть решающую роль в успехе операции и что широкое применение пехотой автоматического оружия изменит характер боя и психологию солдат. Его разработки о наступательных и оборонительных возможностях дивизии, корпуса, армии и фронта всесторонне рассматривали вопросы подхода к полю сражения, длительности и глубины операции, ширины фронта наступления и обороны, и способа их выполнения. Занятия проходили в здании наркомата обороны, и к ним было повышенное внимание руководящего состава Красной Армии. Преподавали на курсах известные ученые того времени: Д. Карбышев (фортификация), В. Новицкий (история), Г. Иссерсон, И. Вацетис (оперативное искусство), А. Верховский (история военного искусства), которые служили в царской армии и были людьми глубоких военных знаний, с высокой общественной культурой, у которых слушателям было много чему поучиться. По окончании курсов Г. Жуков получил отличные оценки и аттестацию, в которой имелась такая фраза: «С успехом может руководить общетактической подготовкой полка и дивизии. По склонностям и характеру командир явно строевой (к штабной работе мало годен)».

На этих курсах прошли переподготовку многие командиры Красной Армии, и среди них будущие маршалы и генералы, и казалось, что, изучив опыт прошлых военных кампаний и теоретически усвоив характер будущих операций, они должны были соответствовать своему назначению и дать достойный отпор немецко-фашистским войскам с началом вторжения их на нашу землю. Но над высшим командным составом Красной Армии, в лице маршалов К. Ворошилова, С. Буденного, Г. Кулика, С. Тимошенко, довлел опыт Гражданской войны, в которой они заметно отличились и с ореолом которой они не хотели расставаться. Потому они скептически относились к возможности проведения высокоманевренных операций танковыми и механизированными войсками во взаимодействии с авиацией, которые продемонстрировали немецко-фашистские войска при нападении на Польшу и Францию. Кстати, такой же порок культивировался и во французской армии, где маршал А.Ф. Петен и генерал М. Вейган, военачальники и герои Первой мировой войны, не сумели овладеть новыми способами ведения операций, которые диктовало время, и Франция, имея не менее сильную армию, чем армия гитлеровской Германии, потерпела быстрое поражение из-за таких военных руководителей.

Маршалы К. Ворошилов, С. Тимошенко, С. Буденный, Г. Кулик, находясь во главе Красной Армии, все передовое сдерживали или помещали в новую обертку со старым содержанием, и потому в первые месяцы Великой Отечественной войны основные сражения с вермахтом, демонстрировавшим маневренный способ ведения боевых действий, Красной Армией были проиграны, пока во главе фронтов и армий Сталин не поставил молодых генералов, над кем не

довлел опыт Гражданской войны. К числу таких военачальников в первую очередь надо отнести Г. Жукова, А. Василевского, К. Рокоссовского, И. Конева, Ф. Толбухина, Л. Говорова, Р. Малиновского и многих других.

Г. Жуков постоянно и углубленно занимался самообразованием, словно предчувствуя, что ему выпадет судьба спасения страны в военное лихолетье. Разобравшись с искусством проведения основных кампаний великих полководцев древности, он шаг за шагом, на картах, занимался разбором всех операций Первой мировой войны, как наиболее близкой, вбирая в свою память все ценное и неожиданное, что применялось противоборствующими сторонами в тех боях и сражениях. Не мог он не заметить, что успех любой военной операции достигался прежде всего скрытностью ее подготовки, внезапностью и быстротой наносимого удара. массированием артиллерии и живой силы на главном направлении. Уже тогда молодой командир полка сделал вывод о все возрастающей роли авиации и танков в будущей войне, и в первой же кампании по разгрому японцев на реке Халхин-Гол он успешно осуществил это свое видение на практике.

Г. Жуков прокомандовал полком шесть лет, и этот период он считал самым ценным в становлении его как будущего военачальника и полководца. Полк действительно, как боевая единица в армии, имеет в своем составе все рода войск и специальные войска, и хотя их масштаб невелик, но он дает возможность командиру полка правильно и эффективно их применять в различных видах боя. Полк, как и римский легион, просуществовавший два тысячелетия, способен вести бой как самостоятельно, так и в составе дивизии, и имеет все функциональные службы для ведения своего хозяйства и содержания семей офицеров и прапорщиков. Полками долго командовали, приобретая бесценный опыт управления людьми, маршалы А. Василевский, К. Рокоссовский, И. Конев. Проходя службу в гор. Минске, молодой командир полка Г. Жуков вел и активную общественную жизнь: его избирали депутатом минского городского совета, где он близко сошелся с ученым-историком В.И. Пичетой, по просьбе которого Г. Жуков выступал с лекциями на военно-историческую тематику на кафедре военно-допризывной подготовки студентов Белорусского государственного университета.

По окончании высших командных курсов Г. Жуков весной 1930 г. возвратился в свою часть и вскоре был назначен командиром кавалерийской бригады той же дивизии, которой с 1929 года командовал К. Рокоссовский. Он прокомандовал ею чуть больше года, когда ему стало известно, что его кандидатура рассматривается на должность инспектора кавалерии РККА. Служба в инспекции в то время высоко ценилась в частях конницы, а Г. Жуков слыл в ее рядах одним из самых лучших кавалеристов, его способности высоко ценил бывший командующий 1-й конной армии маршал С. Буденный, отвечавший за кавалерию Красной Армии. Новое назначение Г. Жуков воспринял без энтузиазма, но, как человек высокого долга, он свою новую должность помощника инспектора кавалерии РККА использовал для расширения военного кругозора. Перед ним открылись широкие возможности не только по изучению и организации боевой подготовки в общевойсковом масштабе, но и для проверки на практике вновь полученных знаний и приобретенного опыта, чтобы внести и свою лепту в строительство молодой Красной Армии. И он сделал это. Вместе с такими же активными и инициативными офицерами Г. Жуков принял участие в разработке проекта Боевого устава конницы РККА, который был принят, и части конницы получили хорошее пособие для боевой подготовки. Он близко знакомится со многими генералами и офицерами Генерального штаба, среди которых выделялись А. Василевский, Н. Ватутин, Соколовский и др., с кем его еще больше сблизит война. Всесторонне деятельный, он обращает на себя внимание тем, что рамки инспектора кавалерии ему были малы, и по предложению того же маршала С. Буденного в марте 1933 г. Г. Жуков назначается командиром 4-й кавалерийской дивизии в Белорусский военный округ, слывший в ту пору самым отсталым соединением в Красной Армии. В аттестации, составленной С. Буденным перед его назначением, сказано, что Г. Жуков является «командиром с силь-

ными и волевыми качествами, тактически и оперативно грамотным. Чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени... Может хорошо и поучительно организовать и проводить занятия с командным составом, штабом и войсками».

Г. Жуков уже через год вывел вверенную ему отсталую дивизию в одну из лучших в Красной Армии, за что дивизия и ее командир были награждены орденом Ленина – высшей наградой того времени. В 1937 г. Г. Жуков назначается командиром 3-го кавалерийского корпуса, и в том же году ему присваивается звание комкора. Здесь, а потом и командуя одним из самых сильных 6-м кавалерийским корпусом, Г. Жуков получает просторное поле деятельности, где можно было проверить на практике не только приобретенные знания и опыт, но и непосредственно участвовать в развернувшихся экспериментах по совершенствованию организационной структуры войск на основе вновь внедряемых новых средств вооруженной борьбы и по отработке проблемных вопросов военного искусства. Проводя командно-штабные учения с корпусом, Г. Жуков отработал совершенно новую организацию конно-механизированных групп, которая была утверждена наркоматом обороны и нашла успешное применение на фронтах Великой Отечественной войны.

Назначенному в 1938 г. заместителем командующего Белорусского особого военного округа Г. Жукову на случай войны было поручено вступить в командование необычно крупным формированием – конно-механизированной группой, включающей 4–5 кавалерийских дивизий, 4–5 танковых бригад и несколько частей усиления, то есть той организацией, которую он лично разработал, командуя кавалерийскими соединениями. Г. Жуков всегда работал с размахом, быстрее всех замечая все новое, что зарождалось в своей армии и армиях зарубежных государств, прежде всего Германии, где шла усиленная милитаризация страны и откуда шло предвестие большой войны. В нем жила вера в свое высокое предназначение, и когда на него свалился донос, что он недостаточно активен в партии большевиков и плохо опирается в своей работе на партийную организацию, – ему показалось это странным и надуманным обвинением, на которое он не обратил вначале серьезного внимания. Но донос обрастал новыми слухами, и вскоре такое же обвинение на него обрушил и член Военного совета Белорусского округа генерал Ф.И. Голиков, обвинивший его в грубости и резком обращении с подчиненными командирами и партийными работниками и недооценке их роли в воспитании личного состава. От этих обвинений Г. Жуков также энергично защищался, как и работал.

– Да, резок, но не со всеми, – сказал он. – Резок с теми, кто халатно относится к выполнению порученного ему дела и безответственно относится к своему служебному долгу. Что касается роли и значения политработников, то я ценю лишь тех, кто хорошо выполняет свой партийный долг, работает над собой и помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач.

Но когда Ф. Голиков обычные и хорошие деловые отношения командира корпуса с бывшим командующим войсками Белорусского военного округа генералом Уборевичем назвал «опасными связями с врагом народа», то Г. Жуков сразу понял, что эта формулировка несла для него угрозу жизни, тем более что вокруг него уже шли аресты знакомых ему генералов и офицеров.

Не страх за свою жизнь, а твердая вера и убежденность в правоте целей пройденной жизни побудила его дать телеграмму И. Сталину: «Прошу оградить меня от нелепых обвинений в подрыве советской власти, я ее преданный боец». В тот же день телеграмма дошла до адресата, прочитана, и больше Г. Жукова не досаждали угрозами в связях с врагами народа.

Это было время расцвета троцкистского движения в Советской России и сколачивания в ней политического и военного заговора против советской власти и лично против режима Сталина, во главе которого стал маршал М. Тухачевский, сумевший вовлечь в него большое количество генералов и офицеров из высшего эшелона, кто в свое время был выдвинут Троцким на высокие военные посты в Красной Армии. Те генералы и офицеры, кто отказывался

примкнуть к заговорщикам, преследовались по идейным соображениям и организационным мероприятиям. Организатором этого преследования был соратник М. Тухачевского генерал Б.М. Фельдман, возглавлявший с 1934 по 1937 год управление по начальствующему составу Красной Армии и при котором самые инициативные и преданные советской власти генералы и офицеры подвергались остракизму, преследованию со стороны участников заговора. Таким преданным советской власти командирам на первой страничке личного дела ставилась пометка «ОУ», обозначающая необходимость увольнения из рядов Красной Армии, а после их прибытия к месту нового жительства для органов НКВД это означало, что их надо, под любым предлогом, репрессировать.

После расстрела М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, А.И. Корка, И.Э. Якира, Р.П. Эйдемана, В.К. Путны, В.М. Примакова, Б.М. Фельдмана, главарей военного заговора, обвиненных в связях с генералами рейхсвера с целью свержения советской власти и установления военнодеспотических режимов в Советском Союзе и Германии, в высшем командном звене Красной Армии настало успокоение умов и пришла уверенность в том, что репрессии в армии больше не повторятся.

Предвоенный 1939 год был богат политическими и военными событиями, тревожно предвещавшими нарастание угроз в Европе и Азии, где возмутителями спокойствия на западе выступала Германия, а на востоке Япония, пробовавшая распространения своего влияния на Дальнем Востоке за счет приобретения советских земель. События на озере Хасан летом 1938 года и полученный отпор войсками Красной Армии ничему не научили японское командование Квантунской армии, и летом 1939 года, после завоевания Китая и Кореи, она устремилась на земли Внешней Монголии, а весной вторглась на территорию дружественной нам Монголии в районе Халхин-Гол. Сталин опасался, что Япония может захватить Внешнюю Монголию и тогда Центральная Сибирь и ее становой хребет – Транссибирская магистраль – могли оказаться в пределах досягаемости внезапной атаки японских войск.

Пограничный конфликт с японской армией болезненно воспринимался советским руководством и армией, хорошо помнивших позорные уроки войны России с Японией в 1904–1905 годах. Назревавший конфликт был своего рода вызовом новой власти, которая должна была продемонстрировать свою способность к отражению внешних угроз.

Военное руководство в Забайкалье обо всех столкновениях с частями японской армии на советско-монгольской границе отмалчивалось, а по линии погранвойск Сталин неоднократно получал донесения о все увеличивающемся военном давлении японской армии на наши дальневосточные границы. При очередной встрече с наркомом обороны он посоветовал ему назначить командиром корпуса решительного командира.

– Надо отучить японцев вторгаться на нашу территорию. Поставьте во главе наших войск такого человека, который сумеет там жесткой рукой навести порядок и посеять страх у врага, – сказал Сталин маршалу Ворошилову.

Предварительно Сталин обсуждал эту проблему с генералом С. Тимошенко, который предложил ему назначить на эту должность генерала Г. Жукова, исполнявшего в ту пору обязанности заместителя командующего Белорусского военного округа. Сталин, обладавший великолепной памятью, тут же вспомнил телеграмму, датированную в его адрес Г. Жуковым, в которой он в решительной форме просил вождя оградить его от преследования и наветов в антисоветской деятельности, так как он является наипреданнейшим человеком советской власти. Тогда же Сталин распорядился более внимательно изучить характер наветов на Г. Жукова, и люди Ежова не нашли на него компромата. Та телеграмма запомнилась Сталину смелостью и твердостью жизненных позиций генерала, близких ему по духу, и он согласился на назначение Г. Жукова командиром корпуса, получившего особые полномочия от наркома обороны маршала Ворошилова.

В конце мая, будучи заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, Г. Жуков проводил в районе Минска полевую командно-штабную игру, в ходе которой он получил приказание немедленно прибыть в Москву, в наркомат обороны. По прибытии он был принят маршалом К. Ворошиловым, который без долгих рассуждений рассказал о цели его вызова в Москву.

– Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать от всякой военной агрессии. – Затем он подвел Г. Жукова к карте: – Вот здесь, – указал нарком, – длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайдарского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывающие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

– Думаю, – продолжал нарком, – что затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае на этом дело не окончится. Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

– Готов вылететь сию же минуту, – ответил генерал¹.

7 июня 1939 г. комкор Г. Жуков был назначен командиром 57-го особого корпуса. Прежний командир корпуса комбриг Н.В. Фекленко бездействовал, когда японские солдаты нарушали границу, и это подтолкнуло японское командование поставить перед собой более серьезные цели – попробовать захватить часть советской территории, плохо охраняемой, а возможно и никому не принадлежащей, и приращением новых земель снискать благодарность и поддержку своего правительства. Общественное мнение во всем мире было на стороне Японии, все мировые правительства ожидали сообщений о поражении Советов в предстоящей войне с ней.

По прибытии в далекую забайкальскую степь Жуков был удивлен, что командный пункт командира корпуса Н.В. Фекленко располагался на удалении более 120 км от границы, и тут же распорядился переместить его в расположение войск. Первые два дня Жуков посещал войска и одновременно вырабатывал план боевых действий, о котором он доложил в Москву: ведением активной обороны удерживать плацдарм советско-монгольских войск на правом берегу Халхин-Гола и одновременно готовить контрудар, чтобы отбросить японцев к границе. Чтобы контрудар был успешным, Жуков просил усилить его корпус авиацией, тремя стрелковыми дивизиями, танковой бригадой и артиллерией. Ворошилов согласился с этими предложениями, и Жуков все необходимые усиления получил. По согласованию с советским правительством в состав корпуса влились соединения и части Монгольской народной революционной армии, прибывали и части усиления, выделяемые Москвой.

Японские войска, наблюдая за бездействием с советской стороны, 2 июля форсировали реку Халхин-Гол и овладели плацдармом на западном берегу реки, захватив гору Баин-Цаган, господствующую высоту на этой местности. В дальнейшем они планировали, опираясь на эту высоту, накопить на плацдарме достаточные силы и ударом в тыл оборонявшихся на западном берегу реки Халхин-Гол советских войск окружить их, а затем уничтожить. Побывав в войсках корпуса, Жуков мгновенно оценил всю опасность, нависшую над его войсками, и на первом этапе решил прибегнуть к активной обороне (пока подойдет затребованное им усиление); одновременно стал разрабатывать план нанесения сильного контрудара. Войскам, занявших оборону, он приказал рыть траншеи и ходы сообщения, а не ячейки, и на удивленные глаза отдельных командиров отвечал: «А как вы вынесете из ячейки раненого бойца, как доставите в роту завтраки и обеды? А боеприпасы? Поверху, под огнем?» А в узком кругу он говорил командирам: «Занесло нас с этим отрицанием старого опыта траншейной войны».

Это был тот Жуков, которого впоследствии хорошо узнавали по почерку советские солдаты и враги, – умевший поймать мгновения выигрыша во времени и в накоплении сил, в упре-

ждении атаки, державший на грани риска и твердо предвидевший, что начертанные им пути непременно приведут к победе. При выполнении своих решений у него никогда не было и тени сомнений в их правильности, и это чувствовали его соратники и подчиненные, все генералы и солдаты, которых он направлял в бой.

Командиру 11-й танковой бригады комбригу М.П. Яковлеву, имевшему на вооружении 152 легких танка, Г. Жуков прямо на марше поставил задачу лично и потребовал от него на пределе возможностей моторов атаковать противника с ходу, не обращая внимания на фланги. «Ваша задача – сбросить японцев в реку, не обращая внимания на то, что творится у вас на флангах. За фланги отвечаю я», – сказал он комбригу. С юга японцев атаковала 7-я мотобронетанковая бригада комбрига А.П. Лесовского, располагавшая 154 бронемашинами. Вместе с танковой бригадой японцев атаковали 6-й бронедивизион 6-й монгольской кавалерийской дивизии и бронедивизион 8-й монгольской дивизии (37 бронемашин БА-6 и БА-10). Уже при выдвижении в атаку танкистов поддержали подошедшие батальоны 24-го мотострелкового полка и 7-й мотобронетанковой бригады.

При постановке этой задачи присутствовавший на командном пункте корпуса командарм Г.М. Штерн назвал ее очень рискованной и напомнил Жукову, что есть боевой устав РККА, запрещавший применять танки для прорыва укрепленных позиций без поддержки пехоты, и посоветовал командиру корпуса отнестись к приказу пересмотреть. Жуков решительно отказался слушать советы старшего начальника и с еще большей энергией и настойчивостью следил за развитием боя. Танки в этом бою, особенно в первые его часы, горели как свечи, и при таком количестве подбитых японцами танков (82 из 152) другому военачальнику можно было и дрогнуть и усомниться в их применении при прорыве японской обороны, но не таков был Жуков. Он знал конечную цель боя и предвидел жертвы, и, как мог, старался их преуменьшить. Во второй половине дня Г. Жуков бросил в новую атаку еще 200 танков 7-й и 36-й механизированных бригад – последней командовал комбриг И. Федюнинский, который впоследствии станет одним из ближайших сподвижников полководца, – и снова потерял половину танков, но японский план был сорван. К исходу 3 июля японцы были потеснены на плацдарме, наши танки и авиация господствовали на поле боя. В течение двух последующих дней, 4 и 5 июля, советские и монгольские войска, непрерывно атакуя японские позиции, заставили японские войска начать повсеместное отступление и покинуть господствующую высоту Баин-Цаган, потеряв в этих боях до 10 тыс. японских солдат. Это была победа, в результате которой японцы больше не пытались переправляться на западный берег Халхин-Гола, и все дальнейшие события происходили на ее восточном берегу.

Победу всегда хотят присвоить себе люди, не причастные к ней, или отобрать лавры, чтобы приуменьшить ее значение для настоящего победителя. Вот и на этот раз, не без поддержки Штерна, в Москву ушел донос, что Жуков «преднамеренно бросил в бой танковую бригаду без поддержки пехотой, и что танковая бригада была применена неправильно и потому потеряла 50 % своих танков». Комиссия во главе с заместителем наркома обороны по вооружению маршалом Г. Куликом не заставила себя долго ждать, она слепо следовала тому же принципу, что и Штерн, – танки применялись неправильно и не так, как того требовал боевой Устав РККА. Жуков и на этот раз отказался давать членам комиссии какие-либо объяснения по поводу прошедшего сражения и снова дал телеграмму Сталину, чтобы его оградили от таких комиссий. Когда по поручению Сталина в корпус прилетел Л.З. Мехлис, Жуков не стал ему объяснять все перипетии прошедшего боя, а провел его по местам прошедших боев и показал масштабы потерь японской армии. Здесь еще дымились остовы более полутысячи японских танков, бронемашин и орудий, и взятые в качестве трофея несколько сот автомашин, и большое количество другого военного имущества, как вознаграждение за одержанную победу, что вызвало полную поддержку сталинского посланника действий комкора.

Но очернители победы Жукова продолжали плести интриги и прорабатывать новые пути его отстранения от самостоятельного управления отдельным корпусом, и по предложению командарма Штерна наркомат обороны СССР 5 июля создал в Забайкалье фронтовую группу войск во главе с ним и со штабом в Чите, что давало ему возможность напрямую управлять 57-м Особым корпусом. Но по предложению Л. Мехлиса, согласованному с Г. Жуковым, 9 июля наркомат обороны 57-й Особый корпус преобразовал в 1-ю армейскую группу под его командованием, а Военный совет армии был наделен самостоятельными функциями управления.

Между тем на советско-монгольской границе напряжение не спадало, а продолжало накаляться. Японское командование наращивало силы, и пока они это делали, Г. Жуков, воспользовавшись затишьем, стал готовить войска к новому наступлению. Для этого главные силы он с передовых позиций незаметно отводил на 30 км в тыл, чтобы обучить командиров и бойцов основам взаимодействия на поле боя между пехотой, артиллерией и авиацией. Их уровень подготовки к бою заметно возрастал. Одновременно велась интенсивная работа по введению в заблуждение японского командования относительно истинных целей советских войск. По ночам громкоговорители транслировали шумы строительных работ, создавая у японцев впечатление, будто русские интенсивно строят оборонительные сооружения. Демонстративно, в дневное время, подвозились в большом количестве доски для укрепления траншей, а в войсках раздавались брошюры о правилах действий бойца в обороне. Радиообмен, намеренно проводившийся с помощью слабых кодов, подтверждал те же намерения русских. Танковые части были сосредоточены вдали от переднего края, и комкор планировал приблизить их к передовой линии в ночь перед наступлением. На протяжении трех недель Г. Жуков приказал гонять взад-вперед несколько десятков танков, не заглушая моторов даже по ночам, чтобы японцы привыкли к этим шумам. Все эти мероприятия, проводимые под личным наблюдением комкора, дали свои плоды – японское командование считало боеспособность русских войск слабой и не спеша готовилось нанести по ним удар. К середине августа их армия была доведена до 75 тысяч человек, на вооружении имелось 182 танка, более 500 орудий и 500 самолетов. 1-я армейская группа под командованием Г. Жукова имела в своем составе около 57 тысяч человек, 542 орудия и минометов, 498 танков и 515 боевых самолетов.

Август 1939 г. КП – гора Хамар-Даба, Халхин-Гол

У Жукова всегда хорошо работала разведка, ведь вся его служба в царской армии в годы Первой мировой войны проходила в этих подразделениях, и он знал ее цену лучше других

полководцев. В узком кругу он говорил, что без данных разведки он похож на слепого человека, нуждающегося в сопровождении. В органы разведки он всегда направлял самых способных офицеров и солдат, и сейчас он, не уставая, отправлял в тыл врага новых разведчиков, среди них были монгольские пастухи и жители степей. Из сообщений разведки Г. Жукову стало известно, что командование 6-й японской армии готовит большую наступательную операцию против советских войск, и они настолько были уверены в предстоящем успехе, что пригласили даже корреспондентов западных газет и военных атташе Германии и Италии, чтобы скорее оповестить мир о победе японского оружия.

С утра 20 августа Г. Жуков решил нанести упреждающий удар, и он был такой силы, что поверг японцев на несколько часов в шоковое состояние. Начался он с авиационного удара по переднему краю японцев, в котором участвовало сразу 153 бомбардировщика и около 100 истребителей прикрытия, поддержанных мощным артиллерийским огнем. Стрелковые соединения быстро преодолели передний край и к исходу первого дня продвинулись на 12 км, убеждая японское командование, что именно здесь в центре наносится главный удар, в то время как танковые соединения с юга и севера готовились нанести удар по флангам. На второй день наступления вмешался командующий Забайкальским фронтом генерал Г.М. Штерн, предложивший Г. Жукову остановиться, нарастить за 2–3 дня силы для последующих ударов и только после этого продолжить окружение японцев. Возмущенный Г. Жуков, не терпевший вмешательства в оперативные дела, спросил Штерна: «Вы приказываете мне или советуете? Если приказываете – напишите письменный приказ»². Штерн отказался давать такой приказ, и Г. Жуков, предвидя полное окружение японцев, бросил в сражение все имеющиеся у него резервы. 23 августа основные силы японской армии были окружены в пределах монгольской территории, а к 27 августа они были расчленены на две части и уничтожены. Потери 6-й японской армии составили 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Советские войска потеряли 18,5 тыс. убитыми и ранеными. Советско-монгольские войска захватили трофеи: 200 орудий, 400 пулеметов, 12 тыс. винтовок и большое количество другой техники. На другой день, 28 августа, Г. Жуков получил сообщение о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

Эта боевая операция, проведенная генералом Г. Жуковым, представляла собой классические канны по окружению и разгрому японской армии, с массированным применением танковых войск, тесно взаимодействующих с артиллерией и авиацией в монгольской степи. Немцы при нападении на Польшу лишь повторяют способ разгрома польской армии, что искусно применил Г. Жуков при разгроме 6-й японской армии. Этот опыт нужно было широко культивировать в Красной Армии и учить высший командный состав его применению, но в наркомате обороны главенствовали поклонники военного искусства времен Гражданской войны, и они ничего не сделали для его распространения, наоборот, препятствовали его внедрению в войсках и в практику обучения, по-прежнему защищая ложный уставной тезис, что без поддержки пехоты танки применять нельзя. Но политическое руководство страны сполна использовало эту победу для прославления мощи Красной Армии, и она сыграла немалую роль в установлении пусть временных, но все же миролюбивых отношений между СССР и Германией, закрепленных в договоре о ненападении 23 августа 1939 года.

Победа советских войск была полная, и она имела большие политические и военные последствия. Взошедшая над забайкальскими степями полководческая звезда Г. Жукова заставила японское командование признать его талант в искусстве проведения современных операций, и это поражение насторожило и японских политиков, от имени которых японское правительство обратилось к советскому с просьбой о прекращении боевых действий. И 15 сентября 1939 года было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий на монгольско-маньчжурской границе в районе реки Халхин-Гол.

Эта победа стала одной из причин отсрочки, а потом и полного отказа от нападения Японии на Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. Эта же победа побудила мини-

стра иностранных дел Японии Е. Мацуоку 13 апреля 1941 года подписать в Москве советско-японский акт о нейтралитете. Сразу после начала Великой Отечественной войны Генеральный штаб Японии, учитывая в том числе и опыт Халхин-Гола, принял решение вступить в войну против СССР при одном условии – если Москва падет до конца августа. В ответ на требование Гитлера в телеграмме от 30 июня 1941 г. немедленно выполнить свои союзнические обязательства и ударить по СССР с Востока, на заседании Совета министров Японии было принято окончательное решение – ждать, пока Германия не будет побеждать наверняка³.

Японское командование, ощутив на своей армии мощь и силу Красной Армии и блистательное руководство военной операцией на Халхин-Голе Г. Жуковым, перестало вынашивать планы овладения советской территорией на Дальнем Востоке, к чему усиленно его подталкивал Гитлер в первые годы Второй мировой войны. Токио повернуло свою захватническую политику в сторону США, Китая и стран дальней Азии. Очень много выиграл от победы на Халхин-Голе Советский Союз. Страна продемонстрировала всему миру свою возросшую военную мощь, и это заставило Гитлера осенью 1939 г. вынашивать первоочередные планы войны не на востоке, а на западе – против Франции и Англии. После победы на Халхин-Голе Г. Жуков продолжал командовать 1-й армейской группой, где он с глубокой тревогой узнал, что наркоматом обороны принято решение расформировать механизированные корпуса, имевшиеся в Красной Армии, из-за «глубоко ошибочного мнения, что дни танков сочтены»⁴. Он даже попытался вмешаться и отговорить руководство наркомата обороны от этого неверного решения, но ничего не добился, а только навлек на себя недовольство со стороны двух маршалов – К. Ворошилова и Г. Кулика.

Генерал Д. Павлов, участвовавший в гражданской войне в Испании и возглавивший в 1938 году автобронетанковое управление Красной Армии, был инициатором и активным сторонником этой точки зрения. В подтверждение своего взгляда он ссылаясь на Англию и Францию, где тоже культивировалась мысль, «что независимые танковые силы – иллюзия, и что роль танков более скромна, но в высшей степени важна в поддержке наступления пехоты»⁵. Кроме того, на основе опыта марша 15-го танкового корпуса в западные районы Белоруссии в конце сентября 1939 г. он доказывал неуправляемость танкового корпуса на марше и необходимость иметь в составе бронетанковых войск танковые отдельные бригады⁶.

Эти взгляды совпадали с мнением наркома обороны маршала К. Ворошилова, еще в 1934 году заявившего на Военном совете, «что такое крупное соединение, как танковый корпус, – дело надуманное, и придется, очевидно, от него отказаться»⁷. Сталин долго не соглашался с таким решением, но три высоких правительственных комиссии, во главе которых стояли А. Андреев, Л. Каганович, а потом и председатель правительства В. Молотов, согласились с решением военных, и механизированные корпуса в конце 1939 – начале 1940 года были расформированы. Успешные боевые действия пяти танковых и механизированных бригад под командованием Жукова в боях на Халхин-Голе не смогли перевесить негативного опыта, вынесенного Павловым из войны в Испании. Это решение явилось одной из грубейших ошибок предвоенного строительства Красной Армии, которая дорого стоила Советскому Союзу в начале Великой Отечественной войны.

Генерал Г. Жуков, одержавший убедительную победу над японской армией и устранивший угрозу расширения влияния Японии на Дальнем Востоке, был надолго забыт в наркомате обороны, где маршалы К. Ворошилов и Г. Кулик упивались собственной славой героев Гражданской войны и не переносили вокруг себя тех, кто мог бы ее затмить. О Жукове вспомнил Сталин в тяжелое для страны время, когда победа фашистской Германии над Францией уже не вызывала никакого сомнения. В Москве прекрасно осознавали, что молох войны неумолимо повернут в сторону Советского Союза и что опущенное стране мирное время надо было максимально использовать для наращивания военной мощи, поэтому подготовка военных кадров

для предстоящей войны была в центре внимания советского правительства. 2 июня 1940 г. Сталин тепло принял Г. Жукова, и они на нескольких встречах, подолгу, со знанием дела, обсудили сначала итоги военной операции советских войск в Забайкалье. Генерал не без гордости заявил, что в основе успеха всех боевых действий на Халхин-Голе лежали смелые и маневренные действия бронетанковых частей по разгрому и уничтожению японской армии, и оба собеседника согласились с тем, что нужно как можно быстрее возрождать бронетанковые и механизированные войска⁸. Первая встреча с вождем, как часто называло Сталина его близкое окружение, у Г. Жукова оставила глубокий след: «На прием к нему шел сильно волнуясь. Возвратясь в гостиницу „Москва“, нахожусь под впечатлением разговора с членами Политбюро. Внешность И.В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина обсуждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление»⁹.

На других встречах они больше обсуждали обстановку в Европе и характер нападения гитлеровской армии на Польшу, а затем на западные европейские государства, и избранные способы разгрома их армий. Два великих человека сошлись в сходстве оценок событий и их возможному противодействию в будущем политическими и военными методами. Францию ждала капитуляция, и в Кремле понимали, что Гитлер на этом не остановится, – война с ним в скором будущем была неизбежна. И действительно, уже в начале июня, когда еще шли боевые действия вермахта с французской армией, он заявил ближайшему военному окружению: «Теперь мы должны приступить к сведению счетов с большевиками»¹⁰. Пока Гитлер раздвигался с западноевропейскими странами, Сталин спешил улучшить стратегическое положение Советского Союза, возвращая в его состав территории, отторгнутые от России в годы Первой мировой войны. Уже были возвращены земли Западной Белоруссии и Западной Украины, вошли в состав СССР Эстония, Латвия и Литва, что позволило отодвинуть на 250–300 км советскую границу на запад, и на очереди остро стоял вопрос о возвращении СССР Бессарабии, захваченной Румынией весной 1918 года. 29 марта на сессии Верховного совета председатель советского правительства В. Молотов сделал громкое заявление: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал». И назначая Г. Жукова командующим Киевским военным округом, Сталин сообщил ему, что советское правительство в ближайшие дни в ультимативной форме потребует от румынского правительства возвращения Бессарабии, при этом не исключено, что для этого придется применить и силу, и войска округа должны быть готовы к такому решению.

С присущей ему энергией и мастерством генерал армии Г. Жуков, в содружестве с Генеральным Штабом, уже к 17 июня разработал план операции вновь образованного Южного фронта, куда вошли войска Киевского и Одесского военных округов, по возвращению Бессарабии. Согласно ему предполагалось нанесение охватывающих ударов войсками 12-й армии из района севернее г. Черновицы вдоль р. Прут на г. Яссы и 9-й армии из района г. Тирасполь южнее г. Кишинев на г. Хуши с целью окружения румынских войск в районе г-в Бельцы и Яссы. Для завершения окружения и дезорганизации тылов противника предусматривалось во взаимодействии с ВВС и конно-механизированной группой использовать 201-ю, 204-ю и 214-ю воздушно-десантные бригады для захвата важных объектов в тылу румынской армии. Задачи по борьбе с румынским флотом получил приведенный 15 июня в состояние боевой готовности Черноморский флот. Началось формирование Дунайской военной флотилии. 26 июня советское правительство предъявило Румынии ультимативную ноту с требованием возвращения Бессарабии с Северной Буковиной, в то время как войска Южного фронта в боевом построении выдвигались к их границам.

Командиры всех рангов и бойцы сразу почувствовали сильную и властную руку командующего Южным фронтом генерала армии Г. Жукова. Его приказы и распоряжения были четкими, ясными и короткими, наполеоновского почерка, исключая какое-либо иное толкование, кроме как их исполнение. Уже само по себе высокоорганизованное выдвижение советских войск для освобождения Бессарабии, поддерживающиеся в них порядок и дисциплина, тот факт, что во главе армии поставлен Г. Жуков, снискавший себе уже мировую известность за победу над японской армией в районе Халхин-Гола, отрезвляюще подействовали на румынское правительство. За несколько часов до начала военной операции король Румынии Кароль II принял ультиматум советского правительства, и в состав Советского Союза вошли Бессарабия и Северная Буковина. 28 июня 1940 года в 14:00 части Красной Армии перешли границу с Румынией. В директиве командующего Южным фронтом Г.К. Жукова отмечалось: «Войсками армии при занятии Бессарабии движение вести на хвостах отходящих румынских войск. Во всех гарнизонах занятой Бессарабии установить образцовый порядок, наладить караульную службу и взять под охрану все имущество, оставленное румынскими войсками, государственными учреждениями и помещиками. Немедленно принять меры к исправлению дорог и мостов в занимаемых войсками районах. Особое внимание обратить на внешний вид бойцов и их подтянутость, всем быть побритыми, почищенными, в опрятной чистой летней одежде и касках».

По договоренности с румынским правительством советским войскам следовало продвигаться ежедневно на 20 км по мере ухода румынских войск. При этом румыны должны были оставлять на местах железнодорожные составы, оборудование промышленных предприятий и сельскохозяйственную продукцию. Однако, в нарушение этого соглашения, румынская армия занималась откровенным грабежом и разбоем, и тогда командующий фронтом позади румынских войск выбросил три десантные бригады, которые овладели городами Болград, Рени, Кагул и Измаил, и заставил их строго соблюдать дипломатические соглашения. 4 июля 1940 года на Соборной площади Кишинева состоялся парад советских войск. Парадом командовал генерал-лейтенант В.И. Болдин, а принимал его командующий Южным фронтом генерал армии Г.К. Жуков. Советско-румынская граница была «закрыта». Вся операция по возвращению Бессарабии и Северной Буковины длилась шесть дней, и, по сравнению с походом Красной Армии в Польшу, она отличалась высокой организацией и дисциплиной.

Возглавив один из самых крупных округов, Г. Жуков понимал, что победа Германии над Францией и Англией лишь на время отодвинула большую войну в Европе, к нему уже поступала информация, что на территорию Польши прибывают дивизии, участвовавшие в боях на западе. Киевский особый военный округ пополнялся механизированными корпусами и новыми дивизиями, так как в высшем руководстве страны и Генеральном штабе до войны культивировалась мысль, что при нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, которое со временем считали неизбежным, главный удар будет нанесен через Украину, и здесь держались главные силы страны. По оперативному плану Генерального Штаба на случай войны войска Киевского военного округа, во взаимодействии с левофланговыми армиями Западного округа, должны были нанести ответный удар в направлении Люблин, Краков, и, разгромив наступающую группировку противника, закрепиться на берегах Вислы. Для выполнения этой задачи была создана соответствующая группировка войск и необходимые запасы вооружения и продовольствия.

Но самым тщательным образом Г. Жуков занимался изучением опыта ведения боевых действий армий вермахта при нападении на Польшу, и особенно на Францию, выделяя и обобщая то главное, что приводило их к победе: внезапность, внезапность и еще раз внезапность нападения, массированное применение танков на узких участках прорыва (до двухсот танков на километр фронта), при тесной поддержке военно-воздушных сил и артиллерии, и смелые броски танковых и моторизованных соединений и частей в оперативный тыл, где они окру-

жали главные силы и громили резервы противника, нередко развивая оперативный успех в стратегический. Это был новый вид боевых действий в военном искусстве, характеризующийся высокой маневренностью танковых и моторизованных войск и их новым видом взаимодействия с авиацией и артиллерией и более устойчивой системой управления в бою. Теперь пехота закрепляла завоеванные подвижными войсками позиции и рубежи, а сами подвижные войска устремлялись вперед, в глубокий тыл противника, нередко решая судьбу войны. Так было при разгроме армий Польши, Франции и экспедиционного корпуса Англии. Применение воздушных десантов и диверсантов для захвата важных объектов способствовало успеху подвижных сил, а обман и дезинформация относительно истинных целей в наступлении нередко вводили в заблуждение обороняющихся, заставляя их удерживать рубежи, которые уже были обойдены. Не мог Г. Жуков не обратить внимания, что во всех дивизиях вермахта разведподразделения, противотанковая артиллерия, связь и инженерные части были моторизованы. Он добился перед войной моторизации разведывательных подразделений, но большего не позволяли возможности военной экономики

Со свойственной ему кипучей энергией и настойчивостью Г. Жуков занимался совершенствованием оперативных и мобилизационных планов, подготовкой подчиненных органов управления и войск к выполнению поставленных перед ними задач с учетом приобретенного им боевого опыта, уроков советско-финской войны и начавшейся Второй мировой войны. Шла также напряженная работа по развертыванию и формированию новых механизированных, авиационных, артиллерийских и других соединений и частей.

В конце декабря 1940 года в Москве состоялось большое совещание высшего командного состава страны с участием Сталина и членов Политбюро. На нем с интересным докладом «Характер современной наступательной операции» выступил командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков. На основе достижений науки и промышленности, военно-теоретической мысли, анализа боевых действий во время последних войн и военных конфликтов, он изложил новые черты наступательной операции фронта и армии, а также способы использования крупных танковых и механизированных соединений во взаимодействии с военно-воздушными силами, в том числе при действии в тылу у оперативной группировки противника и при развитии оперативного успеха в стратегический. Он обратил внимание участников совещания, что при прорыве укрепленных районов немцы особое внимание уделяли тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танков, саперов и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной укрепленный район, в тылу немцев шла усиленная подготовка к атаке на учебных полях и макетах, построенных по типу оборонительных позиций противника. «В общем, – констатировал Жуков, – немцы в этом отношении целиком использовали опыт Суворова при подготовке штурма крепости Измаил». Докладчик показал возросшие размах, глубину и темпы наступления, необходимость применения воздушных десантов для захвата ключевых объектов и рубежей в оперативной глубине обороны противника. К числу важнейших черт операции он относил также непрерывность ведения наступательной операции фронта (армии) и завоевание господства в воздухе. Г.К. Жуков убедительно раскрыл роль и место фронта (армии) в наступательной операции, оперативное предназначение элементов наступательной группировки фронта, состав и задачи ударной армии и группы развития успеха. Большое место в докладе отводилось вопросам подготовки и ведения наступательной операции. Все это свидетельствовало о комплексном подходе к проблемам оперативного искусства.

При выступлении Г. Жукова Сталина на совещании не было, но он прочитал его доклад в тот же вечер и был полностью согласен с выводами командующего по поводу характера предстоящей войны, и многие положения он использовал в своей работе как доказательство верности избранного направления в строительстве Красной Армии перед войной. Но в зале среди военных руководителей было другое настроение: большинство из них были участниками Первой мировой и Гражданской войны в России, и все новое, что появлялось в военном искусстве,

встречалось ими если не в штыки, то в небрежении к услышанному. По докладу командующего Киевским округом выступило несколько человек, и среди них Ф. Голиков и Г. Штерн, не лучшие ценители его искусства: первый участвовал в организации обвинений Жукова в антисоветской деятельности, второй – во время боев на Халхин-Голе был ярким противником применения танков без поддержки пехотой. Руководящий состав наркомата обороны по поводу возможного характера современных войн отмолчался, а маршал С. Тимошенко вообще выразился, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового». Это положение, эта мысль наркома просматривалась и в указаниях, отправляемых для руководства в войска. По-прежнему руководителями наркомата обороны много говорилось о непобедимости Красной Армии и о превосходстве созданных наркоматом обороны военных структур над немецкими, что побудило начальника генерального штаба К. Мерецкова заявить: «Наша дивизия значительно сильнее дивизии немцев, и во встречном бою она разобьет немецкую дивизию. В обороне наша дивизия отразит удар двух-трех дивизий; в наступлении полторы наших дивизии преодолеют оборону дивизии противника».

Удивлял и подбор докладчиков. Один из главных инициаторов ликвидации механизированных корпусов в Красной Армии генерал армии Д. Павлов спустя несколько месяцев после их расформирования выступил с докладом «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв», в котором он утверждал, что советский танковый корпус способен уничтожить одну-две танковые или четыре-пять пехотных дивизий врага. Очень лицемерным был его вывод, что «наши взгляды в отношении применения танков оказались наиболее правильными и нашли себе подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили». И нарком обороны маршал С. Тимошенко, и начальник Генерального штаба генерал армии К. Мерецков не устали превозносить успехи Красной Армии при прорыве сильно укрепленного рубежа финской армии – линии Маннергейма, где один командовал фронтом, а второй армией.

А хвалиться ведь было нечем. Советско-финляндская война велась советскими генералами бездарно, на основе опыта Первой мировой войны, тактика и оперативное искусство которой устарели. Во время ее ведения за преступную некомпетентность и неспособность управлять войсками с должностей были сняты два командующих армий, три начальника штабов армий, три командира корпуса и начальники их штабов, пять командиров дивизий. «Красная Армия превратилась в посмешище для всего мира, а из продемонстрированного ею бессилия немцы сделали далеко идущие выводы»¹¹. Выстроенную оборону финской армии командующие армиями и командиры корпусов пытались прорвать одной пехотой, плохо поддержанной артиллерией и танками, и еще хуже авиацией. Пехота, артиллерия, танки и авиация действовали в той войне не как одно целое, а разрозненно, и эта болезнь была присуща Красной Армии в начале Великой Отечественной войны. Все, что применил германский вермахт в войне с Польшей: массированное применение танков и массированное применение авиации, действовавших как единое целое, – осталось для советских генералов невостребованным. Повсеместно шла недооценка артиллерии, а если она и применялась, то большей частью для поражения наземных целей в глубине обороны противника, а не для непосредственной поддержки атакующей пехоты. Боялись поразить свою пехоту, а то, что она массово гибла при прорыве оборонительных позиций, – списывали на врага. Авиация не училась работать в интересах ближнего боя, и ее роль была принижена и оторвана от боевых действий сухопутных войск. Управление войсками и материально-техническое обеспечение войск находились на уровне Гражданской войны.

Но вот должных выводов народный комиссариат обороны страны до нападения фашистской Германии на Советский Союз так и не сделал. Все были в ожидании неизбежного столкновения с фашистской Германией, но то ли из страха перед только что закончившимися репрес-

сиями, то ли в угоду руководству наркомата обороны, не поднимавшему острых проблем подготовки Красной Армии к войне, на этом совещании не обсуждался характер выстраивания вооруженных сил страны перед возможным нападением, в то время как войска, расположенные в Белостокском и Львовском выступах, могли быть быстро окружены с началом войны, что и случилось в первый день нападения фашистской Германии на нашу страну. Во Львовском выступе шириной 350 км, вдающемся на 160 км в германскую территорию, сосредотачивались основные силы Киевского особого военного округа, в Белостокском – в его границах были сосредоточены основные силы Белорусского округа, 19 дивизий, в том числе все танковые и мотострелковые. Самый сильный 6-й механизированный корпус 10-й армии, имевший на своем вооружении 352 новых танка КВ и Т-34, располагался в центре Белостокского выступа, а самые слабые – 11-й и 14-й механизированные корпуса – прикрывали фланги этой плохо продуманной группировки войск, и они были быстро смяты противником¹². А ведь все русские военачальники знали и помнили изречение М. Кутузова о том, «что ошибка, допущенная в первоначальной расстановке сил, едва ли может быть исправлена в ходе всей войны». Участники совещания обошли почти полным молчанием два ключевых момента – каким будет начальный период войны и какая роль отведена приграничным войскам, и где должны располагаться основные стратегические резервы Красной Армии? История обороны русского государства против нашествий врагов с западного направления не знала примеров равномерного распределения сил русской армии в одну линию вдоль государственной границы. Из-за большой протяженности границ это невозможно было сделать, и наши предки всегда старались выявить до начала войны намерения врагов и на основных направлениях его действий выстраивали глубокое эшелонирование войск, а резервы размещали в местах, удобных для маневрирования. Оборона, как вид боевых действий, сыгравшая решающую роль в разгроме наполеоновской армии и выдержавшая в испытаниях Первой мировой войны как не только вынужденная, но и необходимая мера на пути к победе, советским руководством совсем не рассматривалась. Уже после войны Г. Жуков признал, что «военная стратегия в предвоенный период строилась равным образом на утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессора и что оборона будет играть сугубо вспомогательную роль, обеспечивая наступательным группировкам достижение поставленных целей». Он же самокритично признавал, что по вине наркомата обороны и Генерального штаба до войны недостаточно разрабатывались и осваивались формы и способы стратегической и оперативной обороны. Совершенно неправильно оценивались способы ведения операций в начальный период войны. Не была предусмотрена возможность перехода противника в наступление сразу всеми имеющимися, заранее развернутыми группировками войск одновременно на всех стратегических направлениях Советского Союза. По этому поводу он писал: «При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы и условия были далеко не равные»¹³.

Совещание завершилось крупной стратегической командно-штабной игрой с расстановкой реальных сил, которые могли участвовать в нападении на Советский Союз, и способами отражения этих угроз. Возможная концентрация сил на границах с Советским Союзом и направление главных ударов фашистской Германии и их сателлитов от государственной границы вглубь страны были воспроизведены Генеральным штабом на картах и разыграны между «красными», которых возглавлял командующий Западным особым военным округом генерал армии Д. Павлов, и «синими», которыми руководил командующий Киевским особым военным округом генерал армии Г. Жуков. Главный удар «синие» наносили из Польши в направ-

лении Минск, Смоленск и Москва и два вспомогательных удара в направлении на Ленинград и Киев. Была воспроизведена копия гитлеровского плана «Барбаросса» на главном направлении, который был уже известен руководству страны. Неизвестно было только главное: что добыли разведчики – достоверный документ плана «Барбаросса» или фальшивку, всегда терзающая мысль руководителей любой страны перед войной. Советское руководство в лице И. Сталина, С. Тимошенко и других видных деятелей страны и вооруженных сил считали добытый советскими разведчиками план «Барбаросса» фальшивкой и по-прежнему считали, что главный удар гитлеровская армия нанесет через Украину, где они еще в Первую мировую войну имели наибольший успех и поддержку многочисленного отряда украинских коллаборационистов. Игра охватывала полосу действий от Восточной Пруссии до Полесья, соотношение сторон было следующее: «синие» имели более 60 дивизий, красные – более 50 дивизий. В ходе игры «войска» Жукова успешно прорвали оборону «войск» Павлова, овладели стратегической инициативой, и быстро начали продвигаться вглубь Белоруссии¹⁴. Над «красными» нависла опасность расчленения их войск, окружения и разгрома. «Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны, – отмечал Жуков, – они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия».

На второй игре Жуков командовал Юго-Западным фронтом «Восточной стороны», ему противостоял Южный фронт «Западной стороны» под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Кузнецова. По исходной оперативной обстановке на военную игру положение сторон было дано на 10-й день войны. Поэтому самые трудные вопросы стратегического развертывания и ведения операций в начале войны не отрабатывались. Вообще эта проблема высшим военным руководством явно недооценивалась. Обучаемые принимали решения по обстановке, сложившейся в ходе начавшейся войны. Анализ решений по этой обстановке, проведенной руководством военной игры, показал, что на обеих играх существенное преимущество получила сторона, которой командовал Г. Жуков. По заключению руководства, именно его войска могли выиграть «сражение». Он более глубоко анализировал обстановку за свои войска и противника, самым непостижимым образом подмечал наиболее слабые стороны оперативного положения и боевых возможностей противостоящей стороны, умело оценивал местность и в своих решениях, как правило, упреждал противника в перегруппировке войск, наращивании усилий, в завоевании господства в воздухе, в решительном массировании сил и средств на направлении главного удара, добивался более выгодного положения своих войск, обеспечивающего нанесение ударов по флангам основных группировок противника. Причем Жуков показал хорошее знание оперативно-стратегических взглядов германской армии.

В ходе игры возникали драматические моменты для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли при нападении фашистской Германии на Советский Союз в июне 1941 г. Таким образом, если Жуков в своем докладе показал глубину теоретических знаний, умение мыслить по-современному, то в ходе военных игр выявилось органическое сочетание им теории и практики, умение с учетом конкретных условий обстановки творчески подходить к решению сложных оперативно-стратегических задач. Ему не было равных в командно-штабных играх на картах, как не было ему равных и на полях сражений, где миллионные группировки войск сталкивались во время войны для смертельного исхода – победы или поражения, и он всегда приводил вверенные ему войска к победе. В нем от рождения был заложен талант полководца, который он, систематически работая над собой, развил до совершенства, до полного превосходства над талантами немецких военачальников, которые уже после победы под Ельней досконально отслеживали местонахождение его в войсках, и, удостоверившись в его нахождении на том или ином фронте, сообщали всем: Жуков во главе противостоящих войск.

Разбор военной игры на картах состоялся в Кремле в присутствии членов Политбюро. Во время доклада Павлова Сталин задал ему вопрос: «В чем кроются причины неудачных действий войск красной стороны?» Для Павлова выпала редкая возможность поднять в присутствии Сталина и членов Политбюро важные вопросы оборонительного характера, хотя бы проблему белостокского выступления, которая несла в себе опасность будущего «котла» – окружения и расчленения советских войск в начале войны. Однако Павлов не поднял ни одной острой проблемы, а поражение «красных» пытался свести к шутке, будто чего не бывает на военных играх. Сталину не понравилось его поведение. «Командующий округом, – отметил Сталин, – должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось».

Причем Павлов не только сам не поставил перед Сталиным наиболее острые проблемы, но и всячески препятствовал, когда их пытались затронуть другие военачальники. Выступая с докладом о характере наступательной операции, Жуков отметил, что укрепленные районы (УРы) в Белоруссии возводятся близко от государственной границы, и они имеют невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступления. Эти обстоятельства, по его оценке, давали противнику возможность ударить с районов Бреста и Сувалок в тыл нашей белостокской группировке. «Кроме того, – подчеркивал Г. Жуков, – из-за небольшой глубины обороны укрепрайоны не смогут долго продержаться, ибо насквозь будут простреливаться артиллерийским огнем». Замечания Жукова были справедливыми. Казалось, для Павлова вновь появлялась возможность на высоком правительственном совещании поставить вопрос об отводе войск с белостокского выступа и тем предупредить опасность возможного «котла». Но Павлов поступил совершенно иначе, бросив реплику: «А что, в Киевском округе УРы строятся правильно?» Началась ненужная перепалка, а проблема белостокского и других выступов на западной границе Советского Союза до начала войны так и осталась неразрешенной.

Сталин давал содержание и направление этой игре и лично участвовал в расстановке командных кадров, чтобы лучше присмотреться ко всем военным людям, с которыми он готовился к войне. А особенно к генералу Жукову, в котором он увидел ростки полководческого таланта при отражении японского вторжения на Халхин-Голе и при изложении им взглядов на характер вооруженной борьбы в условиях обострившейся обстановки в Европе и намечал его на выдвижение. При подведении итогов этой игры, в которой убедительную победу одержали «синие», маршал Кулик, которого всегда поддерживал нарком обороны Тимошенко, советовал воздержаться с формированием танковых и механизированных корпусов, что заставило И. Сталина прервать выступление Кулика и высказать военачальникам свое военное кредо. «Победа в войне, – убежденно заявил он, – будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск»¹⁵.

Глава II

Г. Жуков – начальник Генерального штаба. – Работа над мобилизационным планом перевода народного хозяйства страны на военные рельсы. – Доклад Жукова правительству о плохой готовности Красной Армии к войне. – Разработка Жуковым операции упреждающего удара. – Обстановка в наркомате обороны и в приграничных округах накануне войны

На следующий день после окончания сборов высшего командного состава Г. Жуков был вызван к И.В. Сталину. Поздоровавшись, Сталин сказал: «Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас». Как вспоминает сам Г. Жуков, он ожидал выдвижения, но предложенная ему должность никак не вязалась с его непоседливым и командным характером, дававшим ему вдохновение и глубокое удовлетворение при близкой работе с людьми. А главное, он любил самостоятельность, но штабная работа носила подвластный уровень подчинения, чего он не мог переносить. И первая его мысль была отражением его характера: «Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу». Сталин не принимал быстрых решений и, прежде чем назначить нового работника в правительство, он самым тщательным образом изучал его профессиональные качества и способность мыслить по-государственному. При этом исходил из непреклонного принципа, ставшего ключевым и для членов Политбюро и для членов правительства, что неудачное назначение человека на ступени верховной власти чревато проблемами для государства, а если таких ошибочных назначений много – государство не будет развиваться, и его ждет деградация. Пример безответственного подбора в верховную власть людей с улицы, по совету старца Распутина, проявил Николай II, и судьба государства и его личная судьба были трагическими. Сталин хорошо изучил деловые качества генерала Г. Жукова и считал его высоким профессионалом в военной области, поэтому, как дело давно решенное, произнес: «Политбюро решило назначить вас», делая ударение на слове «решило». Понимая, что всякие возражения теперь бесполезны, Г. Жуков поблагодарил за доверие и сказал:

– Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

– Ну, вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК, – сказал Сталин¹⁶.

1 февраля, за 142 дня до начала войны, Г. Жуков вступил в должность начальника Генерального штаба Красной Армии. Он был полон сил работать на благо отечества и в должности начальника Генерального штаба надеялся в руководстве вооруженными силами многое изменить и переделать, внося в их боевую учебу все передовое и современное, что только зарождалось или уже было внедрено в практику как своих войск, так и иностранных. Опыт работы в наркомате обороны у него был, но радужных планов он не строил, зная трудно поворачиваемую бюрократическую машину наркомата обороны, где всю военную политику перед войной определяли люди бывшего наркома К. Ворошилова – маршалы С. Буденный и Г. Кулик, генерал-полковник Е. Щаденко и Л. Мехлис и др., составлявшие костяк Главного военного совета. И ставший наркомом обороны маршал С. Тимошенко, выходец из этой среды, слепо следовал в фарватере этой политики.

Но за 142 дня нахождения в должности начальника Генерального штаба Г. Жуков успел сделать много. Один только план мобилизационного перевода всего народного хозяйства с мирного на военное время и на выпуск военной продукции в тех объемах, которые потребовала пришедшая к нам война, заслуживает того, чтобы его изучали государственные мужи и применяли его основные положения в новых условиях, которые для каждой страны могут сложиться по-разному. Этот план обязывал местные органы власти подготовить к перепрофилированию

большое количество предприятий на выпуск военной продукции на случай войны. Наиболее значимые предприятия, располагаемые в западных областях страны, с началом войны подлежали эвакуации в восточные районы, и для этого был составлен продуманный и жесткий график их перевозок по железной дороге, выдержавший испытание войной. Это было одно из самых важных решений, предопределивших нашу победу в предстоящей войне, и в этом была большая заслуга Г. Жукова, вместе с работниками Генерального штаба определивших масштабы и объемы выпуска различной военной продукции гражданскими предприятиями после их передислокации на восток¹⁷.

13 апреля министр иностранных дел Японии Е. Мацуока, возвращаясь из поездки в Германию, решился на крайнюю меру – подписание советско-японского пакта о нейтралитете. Он попросил у Сталина разрешения на встречу с генералом армии Г. Жуковым, чтобы убрать сомнения относительно подписанного договора. Его заставило это сделать эхо Халхин-Гола, поражение от которого отрезвляюще подействовало на командование японской армии и побудило японские политические круги искать удовлетворение своим агрессивным замыслам не на севере – против Советского Союза, а на юге – против Соединенных Штатов Америки и Великобритании. При встрече Мацуока и Жуков обменялись лишь светскими любезностями, но за ними скрывалась истинная цель японского министра – увидеть и оценить силу русского полководца. И оценка этим человеком личности русского генерала была высокая, он убедился в правоте сделанного им важного политического шага – нейтралитета Японии в отношениях с Советским Союзом.

Усиление военной опасности, агрессивные устремления фашистской Германии и милитаристской Японии, рост их армий настоятельно диктовали проведение неотложных мер для укрепления Красной Армии и Флота. Важно было привести всю военную организацию в соответствие с требованиями безопасности страны в случае нападения агрессора. Это тем более было необходимо, что после плохо проведенной войны с Финляндией партийно-правительственная комиссия во главе с А. Ждановым и Н. Вознесенским, проверявшая состояние вооруженных сил страны, сделала вывод, что «наркомат обороны отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне». К середине 1941 года общая численность армии и флота достигла более пяти миллионов человек и была в 2,8 раза больше, чем в 1939 году. Сухопутные войска вооруженных сил Советского Союза к 1 июня 1941 года были доведены до 303 дивизий. Из этого количества было представлено:

- стрелковых дивизий – 198;
- танковых дивизий – 61;
- мотострелковых дивизий – 31;
- кавалерийских дивизий – 13.

Более половины сухопутных войск вооруженных сил Советского Союза – 169 дивизий из 303 – были дислоцированы в западных приграничных округах, из них 102 стрелковых, 40 танковых, 20 мотострелковых и 7 кавалерийских дивизий. Остальные 134 дивизии: 96 стрелковых, 21 танковая, 11 мотострелковых и 6 кавалерийских – располагались вблизи южных и дальневосточных государственных границ Советского Союза и во внутренних военных округах. В соответствии с такой дислокацией и был составлен Генеральным штабом «План прикрытия мобилизации стратегического сосредоточения Советской Армии», и, в свою очередь, расположение войск в западных округах было подчинено требованию этого плана.

В 1940 году многие стрелковые и артиллерийские дивизии были переименованы в танковые и механизированные. Орудия и коней они сдали, а танков и автомобилей не получили. Тысячи таких танкистов дрались в начале войны как обычные пехотинцы, хотя в сводках числились танкистами. В октябре 1941 г. решением Государственного комитета обороны они все были отозваны с фронта и обращены на укомплектование 22 танковых бригад новой организации¹⁸.

На это же время все советские дивизии, за немногим исключением, во всех приграничных округах содержались по штатам мирного времени, а внутри страны – по сокращенным штатам. Важное значение придавалось совершенствованию штатной организации стрелковых соединений. Типовой штат стрелковой дивизии перед войной менялся трижды, но в апреле 1941 года Г. Жуков добился окончательного утверждения штатной структуры дивизии, численность которой была доведена до 14 483 человек, но практически высшие военные руководители никогда не добивались такой укомплектованности. Даже перед войной средняя укомплектованность стрелковых дивизий приграничных округов составляла: Ленинградского – 11 985 человек, Прибалтийского особого – 8712, Западного особого – 9327, Киевского особого – 9327, Одесского – 8400.

Растущая мощь социалистической экономики давала возможность развивать и совершенствовать все виды вооруженных сил и рода войск, особенно те, которым отводилась большая роль в будущей войне – танковые войска и авиация. Увеличивая вооруженные силы, надо было найти оптимальное соотношение между видами вооруженных сил. С одной стороны, нужно было продолжать усиленное развитие таких технически емких видов вооруженных сил, как авиация, войска противовоздушной обороны и военно-морской флот. А с другой, необходимо было учитывать, что вероятные противники – Германия и Япония – имеют большие сухопутные армии и военные действия должны были развернуться прежде всего на сухопутных фронтах. Г. Жуковым был взят курс: при общем увеличении численности вооруженных сил приоритет отдавался развитию сухопутных войск. Рост численности вооруженных сил требовал большого количества командно-технических кадров, и для решения этой большой кадровой проблемы только в 1940 году было сформировано 42 училища. Всего к началу войны работало 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских высших учебных заведениях, 7 высших военно-морских училищ, 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования. В 1941 году в военно-учебных заведениях и на курсах обучалось свыше 300 тыс. слушателей и курсантов. Сеть специальных курсов подготовки командиров запаса увеличилась почти в четыре раза, командиры готовились также из военнослужащих срочной службы, имевших среднее и высшее образование. При этом неуклонно повышались ассигнования для наркомата обороны. В 1938 г. по смете НКО эти ассигнования достигли 2,7 млрд руб. (21,3 % всех расходов страны); в 1939 г. – 4,1 млрд руб. (26,3 % расходной части бюджета); в 1940 г. – 5,76 млрд руб. (32,2 %). Военные расходы на 1941 г. были предусмотрены в размере 7,1 млрд руб. (33,8 % от общего бюджета страны).

Накануне войны у высшего военного руководства существовало убеждение, что обе стороны начнут боевые действия лишь частью сил и что для завершения развертывания главных сил Красной Армии, равно как и главных сил противника, потребуется не менее двух недель. В наркомате обороны считали, что в течение этого времени армии прикрытия, располагавшие достаточным количеством сил и средств, смогут успешно справиться с возложенными на них задачами – выдержать силу первоначального удара германской армии, а вводом в сражение механизированных корпусов – вытеснить их со своей территории. В Генеральном штабе не допускали возможности, что для нападения на Советский Союз Гитлер в невероятно короткие сроки сконцентрирует у наших границ огромные силы для нападения.

Начальник Генерального штаба Г.К. Жуков

15 мая правительством были рассмотрены и утверждены «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», по которому размещение основных сил Красной Армии осуществлялось южнее Припяти и с этого направления планировалось перейти в решительное контрнаступление от Львова до Силезии, чтобы отрезать рейх от балканских союзников. Советское политическое и военное руководство исповедовало перед войной один непреложный принцип – только решительные наступательные действия могут привести к разгрому противостоящего противника. Советская наступательная доктрина была четко выражена в полевом уставе 1939 года. При рассмотрении этого документа И. Сталину это показалось недостаточным, и он потребовал от наркома обороны маршала С. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. Жукова составить в каждом приграничном округе оперативные планы обороны государственной границы на период от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск. При этом он особо подчеркнул, чтобы к его составлению обязательно были привлечены командующие приграничных округов и армий и все командиры дивизий, кому предстояло участвовать в его исполнении. Основой для составления таких планов явились специальные директивы для каждого приграничного округа, подписанные наркомом обороны маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко и начальником Генерального штаба генералом армии Г.К. Жуковым¹⁹.

Анализ этих директив, датированных серединой мая 1941 года, показывает, что никаких задач наступательного характера войскам западных приграничных военных округов не ставилось. Войскам прикрытия в этом плане определялись следующие задачи:

- не допускать вторжения противника на территорию Советского Союза;
- упорной обороной занимаемых рубежей прочно прикрывать от мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск соответствующих округов;
- своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника²⁰.

Считался возможным отвод наших войск в глубину страны с эвакуацией гражданского населения, заводов и фабрик, а также ликвидацией тех объектов, которые нельзя было вывезти на восток²¹.

При получении этой директивы в приграничных округах буквально до последних мирных дней велась напряженная работа по практическому исполнению этих планов. Соответствующие командиры и штабы изучили предназначенные им участки и полосы обороны, тщательно отработывали вопросы взаимодействия с пограничными войсками и другими родами войск и определили на первые дни войны расход выделенных центром ресурсов по авиации, боеприпасам и горюче-смазочным материалам²².

Многие командующие армиями и командиры дивизий осуществили подъем войск по боевой тревоге с выходом подразделений в намеченные для них районы обороны, что дало возможность командирам всех степеней установить срок готовности первых эшелонов прикрытия по боевой тревоге в пределах 2–3 часов²³.

До 20 июня такие детально проработанные планы из приграничных округов поступили в наркомат обороны, где они были рассмотрены и утверждены. Наиболее подготовленные и хорошо отработанные оперативные планы обороны госграницы в своих полосах ответственности представили командующие Прибалтийским особым военным округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, Киевского особого военного округа – генерал-полковник М.П. Кирпонос и Одесского военного округа – генерал-полковник Я.Т. Черевиченко. Их отличает высокая достоверность работы командующих непосредственно на местности со всеми командирами, кто должен был участвовать в отражении нападения врага, что явилось залогом их успешных действий в момент нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз²⁴.

А вот «Записка по плану действий войск прикрытия на территории Западного особого военного округа», составленная штабом и подписанная ее командующим генералом армии Д.Г. Павловым, а также членом Военного совета корпусным комиссаром А. Фоминым и начальником штаба округа генерал-майором В. Климовских, поражает своей беспредметностью и полным отсутствием конкретных мер по организации отражения возможного нападения войск врага, войска которого уже сосредотачивались у наших границ. Командующий и начальник штаба просто отписались такими ничего не значащими фразами, как, например: «в основу обороны войск положена упорная оборона укрепленных районов и созданных по линии госграницы полевых укреплений с использованием всех сил и возможностей, начиная с мирного времени, для дальнейшего развития» и «в случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьба с ними и их уничтожение будут осуществляться непосредственно командованием округа, для чего часть противотанковых артиллерийских бригад, авиации и механизированных корпусов остается в распоряжении округа»²⁵. Читая этот документ, нетрудно сделать вывод, что его подготовили в штабе округа без привлечения тех командующих и командиров, кто, составляя его, должен был его и выполнять. Трагические события первого дня войны показали, что командующие приграничных армий, командиры корпусов и дивизий Западного фронта в составлении этого важнейшего документа не участвовали и содержание его не знали.

Соображения по оперативно-стратегическому развертыванию Красной Армии у западной границы было доложено руководством наркомата обороны (С.К. Тимошенко, К.А. Мерецков и Н.Ф. Ватутин) на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Наркомат обороны предположил, что сосредоточение основных сил немецко-фашистской армии наиболее вероятно к северу от реки Сан. Поэтому он предлагал развернуть главные силы Красной Армии от Балтийского моря до Полесья, то есть в Прибалтийском и Западном особом военных округах. Однако при обсуждении плана стратегического развертывания войск теми же военными руководителями была высказана и проведена другая точка зрения, согласно которой главный удар немецко-

фашистской армии следует ожидать на юго-западе. В новом варианте, который разрабатывался до конца 1940 года, наиболее опасным направлением было признано юго-западное, открывающее путь на Львов и Киев, а не западное, ведущее к Минску. По мнению военного руководства, на этом направлении группировка немецко-фашистских войск могла превысить 100 дивизий. Второй удар, вспомогательный, мог быть нанесен из Восточной Пруссии на Вильнюс, Витебск. В соответствии с этим планом наиболее мощная группировка советских войск наркоматом обороны создавалась в северо-западной части Украины.

Твердо веря в эту надуманную гипотезу, наркомат обороны и Генеральный штаб все время пополнялись в основном выходцами из Киевского особого военного округа, и не было ни одного управления в Генеральном штабе, где бы не главенствовали генералы и офицеры из этого округа, так как считалось, что они лучше других справятся с теми задачами,

В канун Великой Отечественной войны перед советским военным руководством не стояло проблемы, какому способу ведения вооруженной борьбы отдать предпочтение: стратегическому наступлению или стратегической обороне. Взгляд на наступление как главный способ ведения боевых действий, с помощью которого только и можно было добиться победы в вооруженном столкновении, оставался неизменным. Но рассматривая методы выполнения этой важнейшей задачи, нельзя не заметить, что наркомат обороны допустил грубейшую ошибку в стратегическом построении войск и перед нависшей угрозой внезапного нападения главными силами немецко-фашистских войск продолжал придерживаться равномерного распределения сил по всему фронту от Балтийского до Черного морей. Вдоль всей границы, протяженностью 2000 км, в первой линии развертывалось 38 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии. В среднем на одну дивизию приходилось 50 км фронта²⁶. А в двух выступах располагались основные силы двух округов: во Львовском – Киевского, в Белостокском выступе – Западного. Эти армии и дивизии, по существу, были растянуты в кордонную линию – построение, которое было осуждено еще Наполеоном в XVIII веке. Это была грубейшая стратегическая ошибка, едва не закончившаяся катастрофой, и ее удалось избежать лишь благодаря пространственному размаху нашей территории и титаническим усилиям Ставки ВГК во главе со Сталиным, сумевшей на направлении главного удара немцев уже под Смоленском противопоставить им стратегические силы второго эшелона.

Наиболее полную оценку ошибкам наркомата обороны в стратегическом построении войск перед нападением фашистской Германии дал маршал К.К. Рокоссовский:

«Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в Польше и Франции, я не мог разобраться: каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев? Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали. Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать в ГШ и командование КОВО (Генерал К. Рокоссовский тогда командовал 9-м механизированным корпусом.), никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа. Правда, в звене высшего командного состава эта успокоенность не разделялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.